

ТЕКСТ КАК МЕСТО ПАМЯТИ

Об одной функции интертекстуальности
в русской поэзии XX века

Тезисы

ПАВЕЛ УСПЕНСКИЙ

(Москва, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)

Хорошо известно, что поэзия русского модернизма насквозь цитатна. Многочисленные исследования творчества Блока, Мандельштама, Ахматовой, Пастернака и других поэтов выявили огромное количество претекстов в их стихах. Как объяснить эту повышенную концентрацию «чужого слова»?

Прежде, однако, необходимо задаться вопросом, действительно ли поэзия модернизма вырабатывает особый режим интертекстуальности. Ответ на этот вопрос зависит от выбранной исследовательской и читательской позиции. Имеет смысл различать две позиции: позицию историка и позицию интерпретатора текста. Они соотносятся, с одной стороны, с исторической поэтикой и герменевтикой и, с другой, — с теорией интертекстуальности в широком и узком понимании, соответственно.

Позиция историка, базирующаяся на исторической поэтике и интертекстуальности в широком смысле слова, предполагает, что не существует самостоятельного слова. Все уже было сказано, и каждый текст лишь в новых пропорциях комбинирует «чужие

слова», черпая их из бесконечных дискурсов и предшествующих текстов (М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт).

Позиция интерпретатора предполагает непротиворечивое толкование текста, объяснение того, что в нем сказано, исходя, прежде всего, из его языка и смысла. «Чужое слово» в этой перспективе может пониматься как смыслообразующий элемент, однако может быть квалифицировано как не влияющее на смысл толкуемого текста (здесь, опять же, все зависит от позиции исследователя).

Изучение русской поэзии XX в., как правило, базируется на предпосылке, что «чужое слово» является смыслообразующим элементом и составляет смысловое ядро толкуемого текста. Эта точка зрения наиболее отчетливо была сформулирована в работах, посвященных Мандельштаму (К. Ф. Тарановский, О. Ронен), и ее влияние на современное изучение русского модернизма трудно переоценить.

Две исследовательские позиции открывают доступ к диаметрально противоположным описаниям текста. В обоих случаях любой текст можно представить как сумму «чужих слов» (с появлением поисковых систем, Google Books, НКРЯ и других ресурсов эта операция не предстает такой сложной, как в доинтернетную эпоху). С позиции историка литературы это подтверждает общую идею интертекстуальности в широком смысле слова и позволяет проследить историю использования какого-либо литературного элемента (мотива, образа, топоса, слова, рифмы и т. п.), при этом влияние этого элемента на смысл текста можно не принимать во внимание. Иными словами, «чужое слово» не обязательно определяет смысл как таковой, но определяет историко-литературную «прописку» текста, литературные влияния и т. п. С позиции интерпретатора текста каждое «чужое слово», как уже говорилось, может трактоваться как смысловой элемент. В пределе возникает исследовательский конструкт, в котором без осознания «чужого

слова» адекватное понимание смысла текста попросту невозможно (Ронен). Такая интертекстуальная прескриптивность предполагает, что читатель неверно воспринимал тот или иной текст, а литературовед исправляет эту «ошибку» и задает «верное» прочтение произведения.

Соответственно, позиция интерпретатора, обладающего знанием о «чужом слове», может содержать властные интенции. Подтексты, как награды, назначает власть толкователя над текстом. Поэзия русского модернизма до сих пор является неотъемлемой частью литературного процесса и вкусовых пристрастий и баталий. Поэтому литературоведение заинтересовано в моделировании *своего* Мандельштама, Пастернака и других писателей. Это моделирование формирует коллективную идентичность сообщества и легитимизирует практики интерпретации.

Поскольку любое существующее слово, в конечном счете, оказывается «чужим», постулировать его обязательное влияние на смысл не всегда представляется целесообразным. Так, в предыдущем абзаце можно заметить цитату из Пастернака — «награды назначает власть» («Все наклоненья и залогии...»). Узнавание или неузнавание претекста расслаивает читательскую аудиторию на разные группы (Лотман), однако едва ли без опознавания этого «чужого слова» невозможно понять смысл сказанного.

Хотя у нас нет сравнительных данных по объемам использования «чужого слова» в поэзии XIX и XX вв. (даже на основе уже сделанных исследований), представляется, что в определенном ракурсе поэзия «золотого века» может предстать не менее цитатной, чем поэзия модернизма. Решение этого вопроса зависит от исследовательской позиции. Закономерно предположить, что в этом вопросе ключевую роль играет не столько объективное измерение цитатности, сколько восприятие поэзии модернизма на

основе определенных читательских практик. Иными словами, осмысление поэзии модернизма как насквозь цитатной — следствие традиции ее восприятия.

Читательские практики, нацеленные на выявление цитат, неразрывно связаны с феноменом модернизма. Модернизм установил историческую дистанцию по отношению к литературе XIX в., которая оформилась как предшествующая литературная традиция. Вместе с тем диалог с литературой прошлого также является неотъемлемой частью модернистской эпохи. Тенденция обнуления прошлого ради современной культуры и современного мифа уравновешивалась тенденцией пересмотра прошлого и его избирательной актуализации и (ре-)канонизации. В такой перспективе цитация может обращать на себя внимание как эстетический жест и оказываться маркированной в глазах читателя.

Текст, таким образом, становится «местом памяти», причем памяти избирательной. Термин «место памяти» был введен французским историком П. Нора для явлений, сохраняющих память об историческом прошлом и наделенных символической аурой: памятники, музеи, архивы, канонические тексты (не обязательно исторические). Закономерно предположить, что и интертекстуальный план превращает текст в место памяти в специфическом смысле — это место памяти о предшествующей литературной традиции. Это положение применительно к интертекстуальности в общих чертах было сформулировано Р. Лахманн (без дифференциации литературы XIX и XX вв.).

Анфилада катастроф в русской истории XX в. у многих писателей и читателей определила ощущение если не распада, то радикальной трансформации культуры и разрушения «социальных рамок памяти» (М. Хальбвакс). Цитация в таком контексте оказывается способом напомнить о значимых текстах литературной традиции и таким образом поддержать их существование в мемориальной практике читателей. Иными словами, текст нечто сообщает

и одновременно актуализирует в памяти другие тексты, о которых с точки зрения автора текста необходимо помнить в условиях дрящущейся катастрофы.

Постулирование зависимости смысла текста от «чужого слова», сформулированное в работах Тарановского и развитая Роненом, — некоторый сдвиг в практиках чтения, вызванный тем же стремлением сохранить тексты культурной традиции, что и у авторов литературных произведений. Неслучайно, надо полагать, Тарановский сформировался в русской эмиграции, консервирующий культурный характер которой хорошо известен. В определенной перспективе прочтения конкретных текстов Мандельштама (и других поэтов), создающие из стихов поэта шифр, раскрываемый только с помощью «чужого слова», т. е. текстов литературной традиции, можно считать своего рода читательской гиперкоррекцией, в основе которой — борьба с забвением самой литературной традиции. Эта практика чтения прижилась в Советском Союзе у филологов второй половины XX в. не только как способ прочтения поэтов модернизма, но и как способ сохранения самих модернистов и предшествующий литературной традиции. Судя по тому, что и после 1991 г. эта практика интерпретации осталась в силе, нетрудно прийти к выводу, что бои за репрезентацию и правильное прочтение модернистского канона не окончились.

Представляется, что для поэзии XX в. функция «чужого слова» связана, прежде всего, с необходимостью текста быть не только сообщением, передающим нечто новое, но и «местом памяти». Не так хорошо изученная неофициальная поэзия второй половины века (как московская, так и ленинградская) наследует этому принципу, создавая высказывания, помнящие о традиции, в которую включены уже и сами модернистские тексты.

«Чужое слово», таким образом, нет необходимости всегда воспринимать как инкорпорированное в смысловое ядро текста. Под-

черкнем, что, конечно, случаи «классических» подтекстов в поэзии модернизма встречаются. Представляется, однако, что их количество в значительной мере преувеличено. Подчеркнем также, что, находясь в позиции исторической поэтики, в любом тексте мы можем видеть многочисленные проявления интертекстуальности, и в перспективе изучения трансмиссии образов, мотивов, топосов, приемов и других литературных явлений такой взгляд необходим.

Переход на позицию интерпретатора часто заставляет видеть в «чужом слове» смыслообразующий элемент. Однако интертекст во многих текстах составляет ассоциативное поле произведения, тогда как смысл текста, если находиться в позиции интерпретатора, доступен и вне «чужого слова». Его функция — говоря обобщенно — не дать забыть предшествующим литературным произведениям.

Литература

Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017.

Барт Р. Избранные труды. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Лотман Ю. М. Текст и структура аудитории // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2015.

Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002.

Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.

Lachmann R. Mnemonic and Intertextual Aspects of Literature // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary hand-book / Ed. by Astrid Erll, Ansgar Nünning. Berlin; New York, 2008. P. 301–310.